

В. В. Ефимова

**КОНКУРЕНЦИЯ В СУДЬБЕ ПРОВИНЦИАЛЬНОГО КУПЦА:
ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ АРХАНГЕЛОГОРОДЦА
ВАСИЛИЯ ПОПОВА (1767–1847)**

doi: 10.30759/1728-9718-2023-3(80)-166-174

УДК 94(470.11)“18” ББК 63.3(235.1)52

В статье представлена предпринимательская деятельность архангельского купца первой гильдии Василия Алексеевича Попова в первые два десятилетия XIX в. Выясняются причины подъема, а затем краха его торгового дома, не сумевшего выстоять в жесткой конкурентной борьбе с иностранным по происхождению купечеством. Выбор В. А. Попова в качестве объекта исследования был обусловлен не только тем, что он являлся одним из самых крупных и предприимчивых в среде природного купечества Архангельска этого периода, но и тем, что он оказался способным проанализировать и обобщить свой коммерческий опыт, предложив правительству меры, направленные на возрождение и поддержку отечественного купечества. Его экономические раздумья отразили целый ряд типичных черт развития внешнеторговой отрасли России конца XVIII — первой четверти XIX в., влиявших на карьеры отечественных предпринимателей, а именно: неустойчивость внешней политики и экономического курса российского правительства; ведение торговли преимущественно за свой счет в отличие от иностранных коммерсантов, активно использовавших доходы от комиссионной торговли; крайнюю зависимость от покровителей в среде высших и местных должностных лиц.

Ключевые слова: *Российская империя, Новое время, модернизация, внешняя торговля, конкуренция, протекционизм, фритредерство, купец первой гильдии Василий Алексеевич Попов, Архангельск*

Российская модернизация в Новое время сделала актуальной в начале XIX в. торговую конкуренцию российского купечества с иностранным по происхождению купечеством. Появившиеся благодаря протекционистской таможенной политике Екатерины II торговые дома «природных»¹ русских купцов стали быстро набирать обороты и пытаться вытеснить из внешней торговли иноземцев. Правительство Александра I попыталось помочь им в этом весьма своеобразным образом, обязав в 1807 г. иностранных купцов, желающих вести внешнюю и внутреннюю торговлю на равных с «природными» купцами, перейти в вечное российское подданство. Часть из них это сделало (но в сознании современников они по-прежнему оставались иностранцами); часть нашла обходные пути, продолжив свою торговлю через купцов-коммиссионеров,² как пра-

вило, своих бывших соотечественников, принявших российское подданство. Такой маневр вновь ставил российских купцов в неравные условия с иностранным по происхождению купечеством. Конкуренция между ними продолжилась, и конкурировать приходилось не только в столицах, но и в провинциальных городах — крупнейших центрах внешней и внутренней торговли.

В этом отношении показательна история владельца торгового дома «Алексея Попова сыновья», архангельского купца первой гильдии Василия Алексеевича Попова. На протяжении жизни ему постоянно приходилось сталкиваться с различными формами торговой конкуренции с иностранцами, не только вызвавшей крах его деловой карьеры, но и определившей его индивидуальную судьбу. Особенности личности В. А. Попова придают особую ценность его примеру. Благодаря им индивидуальный опыт конкуренции был подвергнут рефлексии, обобщению, а властям были предложены рекомендации по возрождению торговых домов отечественных коммерсантов, исходившие от одного из самых уважаемых людей купеческого сословия первой четверти XIX в. с всероссийской репутацией.

¹ Термин «природный» активно применялся как в законодательстве, так и в публицистике XVIII–XIX вв. Так обозначалась разница между россиянами и иностранцами по месту их рождения.

² Они принимали суда иностранных купцов и реализовывали их товары вне порта по ценам, установленным их владельцами, российским купцам; закупали для иностранцев российские товары; выписывали для российских купцов по

их заказам иностранные товары. Конечно, все это делалось за определенный процент (комиссию) от выручки.

Вопросы, поставленные в свое время В. А. Поповым: зависимость российских предпринимателей от правительственной политики и местных властей, польза протекционизма или фритредерства для отечественной торговли в целом, причины неудач российского купечества на внешних рынках, роль иностранного капитала в российских внешнеторговых оборотах, — безусловно, были предметом историографических дискуссий. Сегодня в научной литературе не ставится под сомнение утверждение, что в начале XIX в. иностранное по происхождению купечество полностью вытеснило российское из внешней торговли Архангельска. Выяснялись причины такой тенденции, тем более что еще при Екатерине II внешняя торговля осуществлялась наполовину российским по происхождению купечеством.³ Дискуссионным остается лишь вопрос о том, какова была степень преобладания иностранного купечества в этот период.⁴

Методологическая основа статьи — это, прежде всего, концепция периферийной модернизации: она дает возможность рассматривать новые явления социально-экономической жизни, порожденные процессом российской модернизации вне исторического центра страны. В нашем случае модернизационный подход дополнен подходом микроисторическим, позволяющим рассматривать эти явления с должной степенью конкретизации. В центре внимания — судьба одного из крупнейших предпринимателей своего времени, объемы коммерческих оборотов которого, да и масштаб самой личности купца, представляются

весьма значимыми для характеристики феномена российской внешней торговли начала XIX в. В этой связи личный опыт В. А. Попова и опыт его экономических раздумий отразили целый ряд типичных черт развития внешнеторговой отрасли России конца XVIII — первой четверти XIX в.

Статья написана на основе анализа действовавшего в первой трети XIX в. законодательства и дел, хранящихся в Российском государственном историческом архиве (РГИА), Российском архиве Военно-морского флота (РГА ВМФ) и Государственном архиве Архангельской области (ГААО). Многие из архивных материалов не только впервые вводятся в научный оборот, но и существенно уточняют и дополняют написанные еще в середине XIX в. В. Чернышевым «Воспоминания», являющиеся и сегодня наиболее полным описанием жизненного пути и предпринимательской карьеры купцов Поповых.⁵ В их основе лежит личный архив В. А. Попова.

В литературе бытует мнение, что главной причиной занятия доминирующего положения во внешней торговле и в некоторых отраслях промышленности России иностранных по происхождению предпринимателей было отсутствие инициативы со стороны их российских коллег, в связи с чем в первой половине XIX в. иностранные предприниматели сыграли роль «компенсирующего фактора», способствовавшего преодолению отсталости российской экономики.⁶ С этим мнением был бы категорически не согласен герой статьи В. А. Попов. Посмотрим теперь, почему его успехи оказались возможными и почему они сменились упадком. Начнем с факторов, способствовавших укреплению позиций В. А. Попова.

Торговый дом В. А. Попова в 1800–1812 гг.: лидерство в конкурентной борьбе

Процветанию дела в начале XIX в. способствовали как объективная ситуация, так и качества самого предпринимателя. Если первую определяли протекционистская экономическая политика российского государства и международная обстановка, то вторые нашли реализацию в правиле, которому В. А. Попов следовал всегда — быть при власти и не ссориться с властями.

³ Кажется, что первым, кто попытался доказать это, был В. А. Попов. Его поддержал С. Ф. Огородников. Оба ссылались на один и тот же источник — прошение 1768 г. архангельского купечества Екатерине II о даровании исключительно ему права торговать салом и кожами, которое привел в своей книге «Краткая история о городе Архангельском» В. В. Крестинин (СПб., 1792. С. 252). Правда, при этом были учтены не только архангельские, но и вологодские купцы (Попов В. Рассуждение о балансе торговом, о внешней торговле и о вексельном курсе. СПб., 1831. С. 79; Огородников С. Ф. Очерк истории города Архангельска в торгово-промышленном отношении. СПб., 1890. С. 212–213). Доля же одного архангельского купечества «в отпуске за море и на собственный счет» российских товаров, исходя из представленных в этом прошении данных, составляла 14,8 %, а в привозе иностранных товаров — 4,2 %. Такое положение они считали для себя «оскудением», поэтому-то и испрашивали для поправления дел эту привилегию.

⁴ См.: Огородников С. Ф. Указ. соч. С. 257, 266, 267, 282; Яковкина И. И. Внешняя торговля архангельского порта в начале XIX века (1801–1807 гг.) // Вестник Ленинградского университета. 1961. № 8. С. 59–66; Миронов Б. Н. К вопросу о роли русского купечества во внешней торговле Петербурга и Архангельска во второй половине XVIII — начале XIX в. // История СССР. 1973. С. 129–140; Овсянкин Е. И. Архангельск купеческий. Архангельск, 2000. С. 32, 100, 101, 177.

⁵ Чернышев В. Воспоминания об архангельском торговом доме Поповых // Архангельские губернские ведомости. 1852. № 10, 11 (неоф. часть).

⁶ См.: Хеллер К. Отечественное и иностранное предпринимательство в России XIX — начала XX века // Отечественная история. 1998. № 4. С. 56.

Протекционистский курс имперского правительства во внешней торговле заключался в следующем. Начиная с 1800 г. оно предприняло ряд мер по поощрению отечественного купеческого кораблестроения и мореплавания: а) установив на 4 года премии за всякое отправление «за море с товарами и за возврат» выстроенных в России кораблей (в 1805 г. назначение премий было продолжено в прежнем размере еще на 4 года, но только для судов, построенных в 1805–1807 гг. и выходящих из портов Архангельской губернии в чужеземные порты); б) разрешив строить морские купеческие корабли из казенных лесов с оплатой пофутового сбора вместо попенного, что значительно удешевляло стоимость кораблей (подтверждено в 1802 и 1806 гг.); в) допустив из-за недостатка опытных вольнонаемных матросов из русских на купеческих судах отпускать от Адмиралтейств-коллегии на каждое судно по 4 матроса и снабжать их «знающими шкиперами и штурманами» (в 1802 г. это право вновь было подтверждено).⁷

В 1807 г. был опубликован манифест «О дарованных купечеству новых выгодах, отличиях, преимуществах и новых способах к распространению и усилению торговых предприятий». Законодатель открыто объявлял, что главной целью манифеста является достижение преобладания, «особливо» во внешней торговле, «верноподданного Нашего купечества».⁸ Отныне только принявшие навсегда российское подданство могли записываться в купеческие гильдии и пользоваться предоставленными ими «правами и выгодами». Все остальные, не желавшие делать это, получали статус «иностранного гостя» или «заезжего купца» и были существенно ограничены в правах, например, они платили дополнительный сбор с капитала, не имели права перепродавать или менять свои товары в России между собой, а также вести розничную торговлю.⁹ Тем самым, по мнению профессора К. Хеллера, права иностранных купцов и предпринимателей по сравнению с российскими были резко ограничены.¹⁰ Не оспаривая данное мнение, все же будем руководствоваться

подходом, сформулированным анонимным автором «Рассуждения о внешней торговле»: «...о силе и пользе государственных узаконений не по тому должно судить, как они писаны, а по тому, как исполняются и какое действие в обществе производят».¹¹

Отношение современников к иностранным купцам, принявшим российское подданство, было противоречивым и зависело от того, чью сторону наблюдатели занимали в споре между протекционистами и фритредерами. Приведем в качестве примера высказывание все того же анонимного автора-протекциониста, который полагал, что те из купцов, которые после 1807 г. «присягнули на вечное подданство, остались теми же факторами, теми же комиссионерами своих соотечественников... Вся разница в том, что теперь француз, англичанин, пруссак — не просто иностранцы, а иностранцы российско-подданные. Сама вечность их подданства от их самих зависит и всегда может продолжиться не долее того времени, пока за счет россиян не разбогатеют».¹² Более всего протекционистов раздражало то, что именно за счет комиссионной торговли новоиспеченные российские подданные побеждали в конкурентной борьбе «природных» россиян.¹³

Впрочем, очень скоро сторонниками протекционизма стали выступать не только «природные» русские купцы, но и иностранцы, вступившие в подданство. На сегодня надежной статистики по ним нет, но известен целый ряд «усыновленных Россией» после 1807 г. иностранцев, быстро обрусевших и во всем поддерживавших отечественных предпринимателей. Классический пример здесь — история торгового дома архангельского купца первой гильдии, выходца из Гамбурга, Вильгельма Ивановича Брандта, ставшего в 1810-е — начале 1830-х гг. гордостью конкурентной внешней российской торговли.

С 1811 по 1816 гг. в России действует самый протекционистский тариф из всех ранее существовавших. Цели, которые ставил перед собой законодатель, его вводивший, состояли в том, чтобы сократить ввоз импортных товаров (кроме сырья), увеличить экспорт российских товаров, чем и поощрить «произведения внутреннего труда и промышленности» в гораздо

⁷ Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1 (далее — ПСЗ РИ. Собр. 1). Т. 26. № 19624; Т. 27. № 20510а, 20225; Т. 8. № 21787; Т. 29. № 21996.

⁸ ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. 29. № 22418.

⁹ ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. 15. № 10486; Т. 29. № 22418.

¹⁰ См.: Хеллер К. Правовые рамки иностранного предпринимательства в России до 1914 г. // Немецкие предприниматели в Москве. М., 1999. С. 14.

¹¹ Рассуждение о внешней торговле // Архив графов Мордвиновых. СПб., 1903. Т. 6. С. 391.

¹² Там же. С. 365.

¹³ См., напр.: О комиссионном торге от иностранных купцов // Архив графов Мордвиновых. Т. 6. С. 338, 339.

большей степени, нежели это делали предшествующие протекционистские тарифы.¹⁴

Что касается внешнеполитической обстановки, то континентальная блокада Англии, в которой Россия вынужденно участвовала в 1807–1812 гг., имела неожиданно положительные последствия именно для Архангельского порта, так как Англия объявила военно-морскую блокаду балтийского побережья. В результате внешнеторговый оборот северного порта превысил доблокадный в два раза, прежде всего за счет привоза английских товаров на кораблях под нейтральными флагами.¹⁵ Кроме этого, с 1809 г. в связи с понижением вывозных пошлин через Архангельский порт оживилась хлебная торговля, которая еще больше усилилась после их полной отмены по тарифу 1811 г. Тогда же сюда стал привозиться дешевый сахарный песок из Бразилии.¹⁶ Все это позволило В. А. Попову в полной мере проявить присущие ему качества предпринимателя.

Позитивным фактором деловой карьеры было и умение ладить с властями. Купеческая династия Поповых освоила его вполне. Об этом свидетельствует история их торговой фирмы, существовавшей под несколькими названиями.

Свое дело В. А. Попов начинал не с нуля. Первоначальный капитал фирмы заработал его отец — А. И. Попов. Начав внешнюю торговлю в Архангельске в 1774 г., он в 1790 г. основал фирму «Алексей Попов с сыном», которая уже с 1794 г. стала активно строить морские торговые суда для себя и на продажу.¹⁷ Как отмечено выше, с 1800 г. за вояжи российских кораблей за границу российское правительство стало выплачивать премии. В свое время С. Ф. Огородников сожалел, что не нашел архивного подтверждения, получали ли архангельские купцы такие премии.¹⁸ Мы такие подтверждения нашли в делах Департамента коммерции за 1802–1806 гг. Среди них часто упоминаются Поповы.¹⁹

Не остались без внимания и другие их заслуги. Так, например, осенью 1804 г. архан-

гельский военный губернатор И. И. Ферстер просил министра коммерции Н. П. Румянцева опубликовать в «Коммерческих ведомостях» записку «об успехах кораблестроения и мореплавания российских купцов в Архангельске», в которой были особо выделены именитые граждане Поповы за два подвига: 1) за постройку летом 1804 г. в беспрецедентные сроки — 2 месяца и 19 дней — корабля «Св. Николай» величиной в 360 ластов,²⁰ отправленного за море с товаром 1 октября этого же года; 2) за совершение в течение этой же навигации В. А. Поповым на корабле постройки 1801 г. «Св. Федор» в 350 ластов двух вояжей из Архангельска в Амстердам. Это представление было не просто удовлетворено, но министр также сообщил об этих «подвигах» Поповых императору, о чем и было в качестве «ободрения» архангельского и иногороднего купечества объявлено 19 декабря того же года на избирательном собрании городского общества.²¹

Алексей Попов достиг вершин купеческой карьеры, пребывая непрерывно с 1786 по 1805 гг. архангельским купцом первой гильдии и с 1785 по 1790 гг. городским головою Архангельска. В 1790 г. он был избран московским купечеством в члены Коммерц-коллегии. На последнем году своей жизни, в январе 1805 г., и вновь по представлению губернатора И. И. Ферстера за активное и качественное кораблестроение, обучение корабельщиков из «природных россиян» и исполнение «общественных гражданских служб» он был награжден золотой медалью «для ношения на алой ленте».²²

Ни смерть основателя фирмы в мае 1805 г., ни ее раздел в 1809 г. между его наследниками Василием и Иваном не ухудшили ее положения. Фирму возглавил старший сын Василий, оставивший в память об отце ее прежнее название «Алексея Попова сыновья».²³ Де-юре самостоятельным коммерсантом В. А. Попов стал только после 1809 г., но представляется, что фактическим главой фирмы он был с 1802 г., если не раньше. Как утверждает В. Чернышев, он начал самостоятельно управлять хлебными операциями отца уже с 1784 г.,

¹⁴ См.: Огородников С. Ф. Указ. соч. С. 264, 265; Злотников М. Ф. Континентальная блокада и Россия. М.; Л., 1966. С. 227–239.

¹⁵ См.: Огородников С. Ф. Указ. соч. С. 265.

¹⁶ См.: РГИА. Ф. 13. Оп. 2. Д. 1481, 1541; Злотников М. Ф. Указ. соч. С. 243.

¹⁷ См.: Чернышев В. Указ. соч. (№ 10.)

¹⁸ См.: Огородников С. Ф. Указ. соч. С. 256.

¹⁹ См.: РГИА. Ф. 13. Оп. 1. Д. 37, 48, 68, 117, 180, 242.

²⁰ 1 ласт — 2 тонны.

²¹ См.: РГИА. Ф. 13. Оп. 1. Д. 170. Л. 2–3, 8–9; ГААО. Ф. 49. Оп. 1. Д. 896; О российской торговле и купечестве (от купца Попова, города Архангельского) // Архив графов Мордвиновых. СПб., 1903. Т. 6. С. 557.

²² РГИА. Ф. 13. Оп. 1. Д. 170. Л. 10–21; ГААО. Ф. 49. Оп. 1. Д. 2530. Л. 104.

²³ См.: Овсянник Е. И. Указ. соч. С. 127.

то есть едва достигнув возраста семнадцати лет. Тогда же он приступил к изучению немецкого языка.²⁴ Купцом первой гильдии он считал себя с 1790 г., то есть с момента образования торговой фирмы «Алексей Попов с сыном».²⁵ В 1802 г. на одном из своих кораблей он посетил Гамбург, Амстердам и Лондон. Особо обратим внимание на то, что в Лондоне по рекомендательному письму министра коммерции Н. П. Румянцева он был принят русским посланником графом С. Р. Воронцовым. Последний после продолжительной беседы с купцом сделал в письме к Румянцеву весьма лестный отзыв о познаниях Попова «о нашей коммерции», которую, «кажется, он очень хорошо разумеет».²⁶ Таким образом, В. А. Попов сумел заручиться в этой поездке покровительством двух очень влиятельных чиновников в российском правительстве и при дворе.

Доверие к торговому дому Поповых тогда было столь высоко, что в знаменитом вояже 1804 г. В. А. Попов сумел заручиться «доверием» 34 страховых кампаний Гамбурга, быв с 1805 по 1818 гг. их представителем «при Архангельском порте и всех близлежащих гаванях».²⁷

Можно предположить, что все события 1804 г., связанные с фирмой «Алексей Попов с сыном», были тщательно спланированной В. А. Поповым «пиар-кампанией» накануне очередных городских выборов. Ее итогом стало его избрание на будущее трехлетие городским головою Архангельска.²⁸ За заслуги перед городским обществом в этом качестве, а также за значительные пожертвования на ополчение по представлению архангельских военных губернаторов И. И. Ферстера и М. П. фон Дезина ему были пожалованы: в 1806 г. — золотая медаль на Андреевской ленте, а в 1808 г. — звание коммерц-советника.²⁹ Эти представления явно свидетельствуют о том, что В. А. Попов находился в фаворе у местной администрации.

Правительство в это время также отличало В. А. Попова своим доверием, что, безусловно, способствовало его коммерческим и конкурентным успехам. Приведем несколько примеров.

Будучи городским головою, В. А. Попов задается амбициозной целью — сделать так, чтобы российское купечество вывозило не менее 1/3 товаров из Архангельска. Для этого в апреле 1805 г. он инициировал подачу Н. П. Румянцеву прошения от лица первогильдейского купечества. В нем предлагалось: 1) продолжить выплату премий за вояжи русских кораблей за границу коренным россиянам, а не иностранцам, временно записавшимся в гильдии;³⁰ 2) обучать русских купцов, корабельщиков, штурманов и искусных рядовых служителей в архангельской коммерческой и мореходной школе;³¹ 3) учредить по примеру Петербурга Эсконтную контору в Архангельске;³² 4) облегчить процедуру получения паспортов русскими матросами; 5) установить, чтобы иностранцы налагали на имения российских купцов, в чужих странах находящиеся, арест «не своевольно, а по ясным и крепким доводам».³³

Особо выделим прошение в Сенат от 20 июня 1805 г. от «природных» архангельских и иногородних купцов, торговавших через Архангельский порт. Они просили уничтожить состояния «временно-записавшихся» и «иностранных гостей», а «торговлю вести одному коренному... купечеству и мещанству, а иностранцам же товары свои продавать только у портов оптом, а не в розницу».³⁴ Как мы помним, частично эти требования были удовлетворены в манифесте 1807 г.

Весной 1806 г. после отказа Конторы Главного командира Архангельского порта отпустить на «собственные наши корабли» до 80 человек морских служителей В. А. Попов вновь обращается к Н. П. Румянцеву за помощью. В результате переписки последнего с морским министром П. В. Чичаговым, главному командиру был отдан приказ об отпуске на суда архангельского купечества до 100 человек.³⁵

В 1807 г. казна заключает с Поповым подряд на поставку 30 тыс. четвертей ржаной муки для русской армии в Пруссии.³⁶

В 1808–1809 гг. во время войны между Данией и Англией, когда последняя объявила

²⁴ См.: Чернышев В. Указ. соч. (№ 10).

²⁵ См.: ГААО. Ф. 49. Оп. 1. Д. 2530. Л. 104.

²⁶ Цит. по: Замятин Г. А. Ксенофонт Алексеевич Анфилов. Очерк его жизни и деятельности. Киров, 2011. С. 46. Этот отзыв особенно ценен тем, что С. Р. Воронцов был одним из известнейших англоманов и не доверял русским.

²⁷ РГИА. Ф. 13. Оп. 1. Д. 193.

²⁸ См.: ГААО. Ф. 49. Оп. 1. Д. 931. Л. 21–22.

²⁹ См.: РГИА. Ф. 13. Оп. 1. Д. 365; ГААО. Ф. 49. Оп. 1. Д. 1192.

³⁰ Удовлетворено в 1805 и 1806 г.

³¹ В январе 1806 г. Попов представил губернатору проект и штаты такого училища.

³² Эсконтные конторы создавались для облегчения выдачи купечеству ссуд при российских портах. Такая контора в Архангельске была открыта 25 июня 1806 г. (ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. 29. № 22042, 22334).

³³ РГИА. Ф. 13. Оп. 1. Д. 201. Л. 1–9, 30–46.

³⁴ Цит. по: Овсянкин Е. И. Указ. соч. С. 181.

³⁵ См.: РГИА. Ф. 13. Оп. 2. Д. 1164.

³⁶ См.: ГААО. Ф. 4. Оп. 7. Д. 1847. Л. 1.

блокаду своей сопернице и ее каперы стали мешать привозу хлеба в Норвегию, именно Попов был рекомендован Н. П. Румянцевым датскому правительству для поставки туда ржи. В результате, потеряв несколько кораблей, он все же доставляет 68 тыс. четвертей хлеба по назначению. В эти же два года Попов заключает с Адмиралтейств-коллегией два контракта о срочной постройке на р. Свири 137 военных судов. Заказ был исполнен в срок, а отличное качество судов засвидетельствовали корабельные мастера.³⁷

В эти же годы В. А. Попов, пользуясь удачной конъюнктурой, к уже имеющимся у него 4 заводам прибавляет 2 сахарные фабрики. При этом он уже являлся собственником 5 жилых домов в Архангельске и 5 трехмачтовых кораблей, «отправляемых им с товаром за свой счет».³⁸ Он также продолжает строить коммерческие торговые суда. Е. Овсянкин со ссылкой на дела из фонда Архангельского магистрата утверждает, что всего в 1808–1818 гг. им было выстроено 30 крупных кораблей и 2 брига, из них 25 продано иностранцам.³⁹

Важно отметить, что именно на 1808–1810 гг. приходится и формальное преобладание в первой гильдии Архангельска «природного» российского купечества: так, например, в 1808 г. их было 5 из 8, в 1810 г. — 6 из 11. Но это отнюдь не является свидетельством преобладания российского купечества во внешней торговле Архангельска даже в этот период. Так, например, в 1809 г. в адрес фирмы «Брандт и Родде» пришло 35 кораблей, В. Попову — 4.⁴⁰ Если взять такой показатель, как общий торговый оборот, то в 1812 г. у фирмы «Брандт и Родде» он составил 1 455 647 руб., у фирмы Попова — 109 236 руб.⁴¹ Тем не менее это был вполне достойный показатель конкурентоспособности.

Дело В. А. Попова в 1816–1819 гг.: утраченные позиции

Перейдем теперь к вопросу о том, почему деловая карьера В. А. Попова пришла в упадок. Здесь нужно иметь в виду, что ахиллесова пята российского бизнеса той эпохи — это зависи-

мость от властей, причем зависимость самая широкая. В полной мере она оказала влияние на судьбу торгового дома Василия Попова.

Прежде всего, изменилась внешнеполитическая конъюнктура. Необходимость исполнять условия Венского конгресса и идти на уступки во внешней торговле некоторым западным странам в расчете на их союзническую позицию в восточном вопросе заставила Александра I принять подряд два фритредерских тарифа в 1816 и 1819 гг., что привело к массовому разорению отечественных промышленников и торговцев, так как на русский рынок хлынули более качественные иностранные товары.⁴²

Также заметим, что ухудшение экономического положения фирмы «Алексея Попова сыновья» началось еще на этапе «процветания». В своих «Воспоминаниях» В. Чернышев не упомянул, например, что в 1808–1809 гг. при выполнении контракта на постройку 137 казенных судов В. А. Попов понес убытков на 120 400 руб. из-за того, что казна задержала оплату заказа.⁴³ Это принудило Попова брать для производства своей торговли кредиты под большие проценты. Главным его кредитором стал придворный банкир А. А. Ралль. В 1813/14 гг. между ними случились разногласия при расчетах: Попов полагал, что Ралль в курсовых операциях 1810 г. лишил его ложными счетами до 220 тыс. руб.⁴⁴ В 1812 г. в результате захвата датским капером корабля с принадлежащим Попову грузом купец понес убытки на 250 тыс. руб., а при вторжении в Москву французов из-за разорившихся купцов потерял до 100 тыс. руб.⁴⁵ В 1813 г. за недопоставку в Пруссию одной тысячи четвертей муки Министерство финансов сделало на Попова начет в размере 18 423 руб.⁴⁶ Однако, несмотря на введение в 1816 г. фритредерского тарифа, Попов продолжал отправлять за границу 6 оставшихся у него кораблей вплоть до 1818 г.

³⁷ См.: Чернышев В. Указ. соч. (№ 10, 11).

³⁸ ГААО. Ф. 49. Оп. 2. Д. 303. Л. 26; Оп. 1. Т. 1. Д. 2997. Л. 2.

³⁹ См.: Овсянкин Е. И. Указ. соч. С. 262.

⁴⁰ См.: ГААО. Ф. 49. Оп. 2. Д. 303; Оп. 1. Д. 1361. Л. 10; Ведомость, объясняющая по Архангельскому порту приход и отпущение кораблей... // Архив графов Мордвиновых. СПб., 1902. Т. 3. С. 478.

⁴¹ См.: Огородников С. Ф. Указ. соч. С. 267.

⁴² См.: Блюх И. С. Финансы России XIX столетия. СПб., 1882. Т. 1. С. 138, 145, 146; Страхова Н. П. Русский таможенный тариф 1822 г. // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2006. № 11. С. 15–22.

⁴³ См.: РГА ВМФ. Ф. 166. Оп. 1. Д. 941. Л. 65–217; Д. 1030; Ф. 330. Оп. 1. Д. 10686. Л. 39.

⁴⁴ Дело было разрешено в пользу Попова лишь в 1842 г. Но указанных денег он так и не получил, так как в 1833 г. Ралль умер, потерпев в конце жизни финансовый крах (РГИА. Ф. 18. Оп. 4. Д. 104. Л. 1–4).

⁴⁵ См.: РГИА. Ф. 18. Оп. 4. Д. 104.

⁴⁶ См.: ГААО. Ф. 4. Оп. 7. Д. 1847. Л. 4.

Трудности, испытывавшиеся В. А. Поповым, затрагивали так или иначе архангельское купечество в целом. Ряд показателей сигнализирует о сдаче в этот период купцами города позиций в конкурентной борьбе с иностранным купечеством. Так, среди купцов первой гильдии уже с 1815 г. оставался только один «природный» купец, а с 1825 г. — уже ни одного.⁴⁷ По данным же архангельской таможни, в 1817 г. в адрес фирмы «Алексея Попова сыновья» пришло 15 кораблей, столько же было отправлено, тогда как эти показатели, например, для фирмы «Брандт и К^о» составили 88 и 89.⁴⁸

В подобных условиях бизнес В. А. Попова окончательно подкосили расстроившиеся отношения с местными властями. Пытаясь поправить свои дела, Попов заключил в 1818 г. контракт, по которому обязался в навигацию этого же года доставить для военных команд Архангельска и уездных городов провиант, но не исполнил его. Бывший тогда архангельским военным губернатором и главным командиром Архангельского порта контр-адмирал А. Ф. Клокачев в октябре 1818 г. донес об этом военному министру. Произведенный затем осмотр хранящегося у Попова хлеба, которого оказалось ничтожное количество, дал основание Клокачеву заподозрить Попова в том, что хлеб, заготовленный на выданные ему казенные 256 тыс. руб., он отправил на двух своих кораблях за границу. Часть имущества купца была арестована в обеспечение этой суммы, а сам он предан суду.⁴⁹ В это же время ему предъявили свои претензии частные кредиторы. Попов был вынужден объявить себя несостоятельным по платежу долгов на 1 814 082 руб., а в декабре заявить себя на 1819 г. в третью гильдию «по случаю несчастной торговли моей обстоятельством».⁵⁰

В начале 1819 г. Попову удалось уладить дела с частными кредиторами, которые признали его «невинно упавшим», понесшим в течение последних 9 лет убытков на сумму до 1 млн 300 тыс. руб. «от понижения на хлебные товары цен». Попов тогда же попытался поправить свое положение, предложив казне купить у него два судна, но А. Ф. Клокачев дал отзыв о нецелесообразности этой покупки.⁵¹

⁴⁷ Так, в 1825 г. купцами первой гильдии значатся: В. Брант, С. Беккер, Е. Классен, Ф. Клефекер, Г. Молво (ГААО. Ф. 49. Оп. 1. Д. 2627. Л. 21).

⁴⁸ См.: Овсянкин Е. И. Указ. соч. С. 32, 100, 101, 177.

⁴⁹ См.: РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 3894. Л. 22; ГААО. Ф. 49. Оп. 1. Д. 2530. Л. 3, 55.

⁵⁰ ГААО. Ф. 49. Оп. 2. Д. 498. Л. 56.

⁵¹ См.: РГА ВМФ. Ф. 330. Оп. 1–1. Д. 3119; Оп. 1–4. Д. 10686; Д. 17695; Ф. 166. Оп. 1. Д. 3861.

Во время посещения Александром I летом 1819 г. Архангельска Попов предпринял попытку встретиться с царем: он предполагал на своем корабле устроить обед, во время которого в присутствии прочих приглашенных им «природных» архангельских и иногородних купцов обсудить их «нужды». Император принял приглашение, но вновь помешал А. Ф. Клокачев. Обед состоялся в доме военного губернатора, но без участия Попова. Во время обеда, как пишет М. К. Сидоров, «были подняты вопросы только о выгодах иностранцев и получены ими разные привилегии».⁵²

И в дальнейшем все жалобы В. А. Попова на Высочайшее имя о притеснениях во время проведения следствия об исполнении им условий контракта 1818 г. отвергались Александром I на основании мнения А. Ф. Клокачева.⁵³ В 1822 г. Государственный совет утвердил продажу с публичных торгов принадлежащих Попову двух сахарных заводов купцу В. И. Брандту и высылку его в Архангельск к следствию по этому делу.⁵⁴ Только в 1828 г. Николай I разрешил Попову пользоваться правами купца первой гильдии без уплаты гильдейских сборов⁵⁵ и простил начет в 40 тыс. руб. по контракту 1818 г.⁵⁶ Но восстановить свое торговое дело В. А. Попов не смог, поэтому вынужден был с 1833 по 1842 гг. зарабатывать на жизнь своей многочисленной семье старшиной браковщиков сала при Петербургском порте, а после просить пенсию у Архангельской думы.⁵⁷

Однако даже после своего разорения Попов был уважаем в коммерческих кругах России. Именно о нем ведет речь анонимный автор «Рассуждения», когда пишет: «У нас были и, может быть, есть из купечества люди предприимчивые, которые могли бы выйти из тесного круга домашней торговли и вступить в состязание с иностранными негодьями, но непрочность коммерческих постановлений связывает руки, а бывшие примеры с другими убеждают отказаться от полетов и пресмыкаться. Весьма недавно известные архангелогородские купцы Поповы делали честь российскому купечеству своею иностранною коммерцией. Имели бо-

⁵² Сидоров М. К. Север России. М., 1870. С. 185. Однако автор не совсем объективен.

⁵³ См.: РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 3894. Л. 28–31.

⁵⁴ См.: Опись дел Государственного совета. СПб., 1908. Т. 1: Дела с 1810 по 1829 г. С. 403, 404.

⁵⁵ Поэтому Попов значился с этого времени причисленным к петербургскому купечеству, хотя жил с семьей в столице с 1820 г. (ГААО. Ф. 49. Оп. 4. Д. 32. Л. 384–385).

⁵⁶ См.: ГААО. Ф. 49. Оп. 3. Д. 143. Л. 1, 9.

⁵⁷ См.: Там же. Оп. 1. Т. 2. Д. 2997.

гатство, множество кораблей, связи с лучшими торговыми домами в Европе и теперь разорились. Пусть мужи, издающие Уставы, позволят одному из сих русских аргонатов побеседовать с собою с такой же непринужденностью, с какой пользуются этой честью иностранные парфюмеры; пусть убедят, чтобы он со всей искренностью рассказал об истинных причинах своего разорения, то узнают такие причины, которых, конечно, не встретил бы он никогда, если бы был англичанином, французом, американцем, шведом и даже пруссаком».⁵⁸ В. Чернышев в своих «Воспоминаниях» приводит выдержку из сделанного в 1824 г. представления к Санкт-Петербургской думе, в котором столичное купечество писало: «Попов при благосостоятельности своей был одним из тех редких Российских купцов, которым прилично название негоцианта». К сожалению, автор не объяснил, чем было вызвано данное представление. Полагаем, что это могло быть связано с подачей Поповым записки «О способах произведения внешней торговли россиянами», являвшейся его личным ответом на вопрос о причинах «упадка купеческих капиталов», заданный министром финансов еще в 1822 г.

Свою записку В. А. Попов начал с риторического вопроса: «Почему в столицах и при портах российских весьма мало или, можно сказать, нет российских коренных торговых домов, занимающихся по примеру иностранных, торговлею портовою внешнею и комиссиями?» Его ответ в самом кратком виде можно свести к следующему — потому, что у них нет: 1) «никаких против иностранцев особых преимуществ, каковые во всех нациях своим поданным даны и каковые у нас были»; 2) собственных контор за рубежом, отчего продажу привезенных туда товаров приходится доверять чужеземным купцам на их условиях.⁵⁹ В 1833 г., выступая против проповедовавшейся фритредерами свободной торговли, Попов резонно замечал, что о введении таковой можно говорить лишь тогда, когда зарубежные державы не будут проводить в своих портах дискриминационную политику в отношении русских кораблей и товаров. При этом он категорически отвергал утверждения, что русское купечество «еще в невежестве», не предприимчиво и не имеет достаточно капиталов.⁶⁰

Подведем итоги. Условиями коммерческого процветания и успешной конкуренции с иностранцами В. А. Попова на протяжении 1800–1812 гг. были проводившийся российским правительством активный протекционистский курс в экономике, а также созданная блокадой Англии уникальная ситуация для Архангельска: город оказался единственным отечественным портом, беспрепятственно принимавшим суда, ходившие под нейтральным флагом с английскими товарами на борту. Разумеется, нужно принять во внимание и накопленный отцом предпринимателя стартовый капитал и пребывание в должности городского головы, что позволяло войти в тесные доверительные контакты с высшим и местным руководством и в дальнейшем получать крупные казенные подряды.

Успех торгового дома В. А. Попова в период «золотого времени» Архангельского порта вовсе не означал, что российское купечество сумело вытеснить иностранных купцов из внешней торговли порта. Многие из них приняли ультиматум манифеста 1807 г. и стали российскими подданными. Юридическое же ограничение в правах не принявших российское подданство иностранных купцов на практике мало повлияло на их финансовое положение. Они успешно обходили установленные ограничения посредством комиссионной торговли и своих соплеменников, принявших российское подданство, а их торговые обороты в этот период в разы превосходили обороты российских купцов.

Что касается упадка торгового дома В. А. Попова в 1816–1819 гг., то он был прежде всего связан с внешними политическими и экономическими обстоятельствами, а именно: с прекращением блокады Англии и открытием балтийских портов — конкурентов Архангельского порта; с отказом российского правительства с 1816 г. от протекционистских мер. Негативную роль здесь сыграла и зависимость В. А. Попова от местных властей, мало радевших в этот период об интересах «природных» коммерсантов в принципе. Сказалась и нехватка у купца оборотных средств, вызванная несвоевременной оплатой казенных подрядов и вынуждавшая вести торговлю в кредит, что оборачивалось дополнительными и трудно покрываемыми убытками. Наконец, роковую роль в судьбе предпринимателя сыграла потеря покровителей в среде высших и местных должностных лиц, которую он, несмотря на все его личные качества, компенсировать так и не смог.

⁵⁸ Рассуждение о внешней российской торговле... С. 392.

⁵⁹ Архив графов Мордвиновых. Т. 6. С. 550–562.

⁶⁰ См.: Ответ В. Попова дворянину сочинителю письма на рассуждения его о вывозе звонкой монеты и о прочем. СПб., 1833.

Viktoriya V. Efimova

Doctor of Historical Sciences, Petrozavodsk State University (Russia, Petrozavodsk)

E-mail: efimova1870@rambler.ru

COMPETITION IN THE FATE OF A PROVINCIAL MERCHANT: TOUCHES
TO THE PORTRAIT OF VASSILY POPOV FROM ARKHANGELSK, 1767–1847

The article studies the activity of the Arkhangelsk merchant of the first guild Vassily Alekseevich Popov in the first two decades of the 19th century. It clarifies the reasons for the rise and fall of his trading house, which failed to withstand the fierce competition with foreign merchants. The author chose V. A. Popov as an object of study because, firstly, he was one of the largest and most enterprising among the native merchants of Arkhangelsk of this period, and, secondly, he was able to analyze and generalize his commercial experience, proposing to the government measures aimed at the revival and support of the domestic merchants. His economic reflections embodied a number of typical features of the development of the foreign trade in Russia at the end of the 18th — the first quarter of the 19th century, which influenced the careers of domestic entrepreneurs, namely: the instability of the foreign policy and economic course of the Russian government; conducting trade mainly at their own expense, in contrast to foreign merchants who actively used income from commission trade; extreme dependence on patrons among supreme and local officials.

Keywords: *Russian Empire, Modern Times, modernization, foreign trade, competition, protectionism, free trade policy, merchant of the first guild Vassily Alekseevich Popov, port of Arkhangelsk*

REFERENCES

- Heller K. [Domestic and Foreign Entrepreneurship in Russia in the 19th — Early 20th Centuries]. *Otechestvennaya istoriya* [Domestic History], 1998, no. 4, pp. 55–65. (in Russ.).
- Heller K. [Legal Framework for Foreign Entrepreneurship in Russia before 1914]. *Nemetskiye predprinimateli v Moskve* [German Entrepreneurs in Moscow]. Moscow: Obshchestv. akad. nauk ross. nemtsev Publ., 1999, pp. 10–16. (in Russ.).
- Mironov B. N. [On the Question of the Role of Russian Merchants in the Foreign Trade of St. Petersburg and Arkhangelsk in the Second Half of the 18th — Early 19th Centuries]. *Istoriya SSSR* [History of the USSR], 1973, no. 6, pp. 129–140. (in Russ.).
- Ovsyankin Ye. I. *Arkhangel'sk kupecheskiy* [Merchant Arkhangelsk]. Arkhangelsk: Izd-vo "Arkhkonsalt" Publ., 2010. (in Russ.).
- Strakhova N. P. [Russian Customs Tariff of 1822]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2006, no. 11, pp. 15–22. (in Russ.).
- Yakovkina I. I. [Foreign Trade of the Arkhangelsk Port at the Beginning of the 19th Century (1801–1807)]. *Vestnik Leningradskogo universiteta* [Bulletin of the Leningrad University], 1961, no. 8, pp. 59–66. (in Russ.).
- Zlotnikov M. F. *Kontinental'naya blokada i Rossiya* [Continental Blockade and Russia]. Moscow; Leningrad: Nauka Publ., 1966. (in Russ.).

Для цитирования: Ефимова В. В. Конкуренция в судьбе провинциального купца: штрихи к портрету архангелогородца Василия Попова (1767–1847) // Уральский исторический вестник. 2023. № 3 (80). С. 166–174. DOI: 10.30759/1728-9718-2023-3(80)-166-174.

For citation: Efimova V. V. Competition in the Fate of a Provincial Merchant: Touches to the Portrait of Vassily Popov from Arkhangelsk, 1767–1847 // Ural Historical Journal, 2023, no. 3 (80), pp. 166–174. DOI: 10.30759/1728-9718-2023-3(80)-166-174.